

Natalija Litovčenko – filologijos mokslų daktarė, rusų kaip užsienio kalbos mokytoja VŠĮ „Vaivorykštės tako“ gimnazijoje (Klaipėda) ir Ievos Labutytės pagrindinėje mokykloje (Plikiai).

Moksliniai interesai: rusų literatūra, pasaulio literatūra, kultūra ir istorija, literatūros teorija.

Adresas: Statybininkų pr. 22–87, LT-94237 Klaipėda, Lietuva.

El. paštas: Skarlett75@mail.ru

Nataliia Lytovchenko: PhD, teacher of Russian as a foreign language in the “Vaivorykštės tako” high school (Klaipėda) and Ieva Labutytė secondary school (Plikiai).

Research interests: Russian literature, world culture, world history, literary theory.

Address: Statybininkų pr. 22–87, LT-94237 Klaipėda, Lithuania

E-mail: Skarlett75@mail.ru

Наталия Литовченко

VŠĮ „Vaivorykštės takas“

ОБРАЗ СОФИИ В ЛИРИКЕ А. БЕЛОГО И А. БЛОКА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Anotacija

Straipsnyje analizuojamas Sofijos paveikslas Aleksandro Bloko eilėraščių cikle „Eilėraščiai apie Nuostabiąją Damą“. Aptariami šio paveikslo transformacijos ir modifikacijos būdai. Prieinama prie išvados, kad A. Bloko poezijoje Sofijos paveikslas išreiškia amžinojo moteriškumo idėją.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Sofija, motyvas, religinė-filosofinė sąmonė, sofilogija.

Abstract

The article examines the transformation and modification of the image of Sofia in the series of poems cycle by Alexander Blok “Verses about the Beautiful Lady” and the collection of poms by Andrei Bely “Gold in Azure”. The author shows that the image of Sophia Celestial is represented in the works of poets-symbolists at all levels of religious and poetic consciousness, viz. at religious and mystical, ordinary and philosophical ones. It is noted that the image of Sophia, borrowed by the young symbolists from the philosophy of V. Solovyov, is associated in the poetry of A. Blok with the cult of Eternal femininity, and in the creativity of A. Belyy – with solar symbolism.

KEY WORDS: Sophia, motive, religious-philosophical consciousness, sophiology.

doi:<http://dx.doi.org/10.15181/rh.v22i0.1635>

Цель данной статьи – рассмотреть образ Софии в лирике Андрея Белого и Александра Блока в контексте софиологических интенций Серебряного века.

Образ Софии в религиозно-поэтическом сознании А. Белого и А. Блока формируется под влиянием идей Вл. Соловьева, который, взяв за основу корневую систему этого религиозно-философского понятия, выводит собственную софиологическую концепцию, претерпевающую в процессе его духовной эволюции множество трансформаций. В философии В. Соловьева образ Софии имеет надконфессиональный религиозный смысл: это и Христос, и Богоматерь, и культ имени Иисусова, и образ Мировой Души, и Царицы небесной, подобной солнцу, и Прекрасной Дамы, мудрой наставницы, возлюбленной, художницы. В целом идея Софии, по Вл. Соловьеву, сводится к «перманентному присутствию Бога» в мире, она проецируется не на частные явления природы, а на абсолютное существо. София выполняет своеобразную функцию посредника между Богом и Человечеством, то есть, говоря современным языком, она несет информацию и энергию от Бога к человеку. Софийные мотивы в философии Соловьева связаны с идеей проявления и присутствия Бога на земле.

Идеи софийности становятся не только основой философии В. Соловьева, но и его художественного мира. Широта и разнообразие поэтической образности изображения Софии в лирике В. Соловьева многогранна: она реализуется как природная София, как Небесная София и София «земная». Все перечисленные варианты образа Софии представлены в полном объеме в поэме «Три свидания», в котором она выступает как «всечелое», представляя собой «духовную благоустроенность космоса» и человечества. «Как житнетворческое начало она «обнимает» взором «что есть, что было, что грядет веки»; в «образ женской красоты» входит «безмерное». Она дана и как Вселенная, и как «всечеловек», и как реализация всеединства» (Дашевская 2012, 64). Образ Софии в поэме выстраивается в лексический ряд: луч, отблеск, пурпур, лазурь, серебро, сияние. Мистическая встреча с Софией сопровождается сильным световым излучением: она « в лучах», «пронизана лазурью золотистой», «с улыбкою лучистой». Золото, лазурь, серебро, пурпур – эта цветосимволика связана с проявлением Божества, которая своим присутствием окрашивает высшие непости-

жимые миры. София нисходит в земной мир в сиянии, озаряя светом пространство и преображая душу лирического героя: «Лазурь кругом, лазурь в душе моей» («Три свидания»). Образ Софии в поэме «Три свидания» воплощает красоту, свет и совершенство.

Идеи В. Соловьева подхвачены и переосмыслены писателями и поэтами Серебряного века. Ими выдвинуты новые догмы: София Премудрость – это «новая мудрость, исходящая с неба на землю: человек соединяется со стихией мудрости, и эта стихия мудрости приурочивается человеческим сознанием к невесте...» (Белый 2004, 322). Вселенское присутствие божества в мире, культ Вечной Женственности, религиозное постижение мира и человека через искусство, понятое как теургически действенное участие в процессе преображения, находит непосредственное выражение в софийной устремленности поэтической мысли А. Блока и А. Белого.

О «блокиане» А. Белого написано немало. Вл. Орлов, Н. Пустыгина, Э. Кричевская-Мэриленд, И. Дилекторская и др. отмечают, что имена А. Блока и А. Белого в сознании современников неразрывно связаны между собой. Восемнадцать лет длится история их отношений, с легкой руки А. Белого получившая название «дружбы-вражды». В ней литературоведами зафиксированы как моменты взаимного обожания и горячей дружбы, так и ссор, вызовов на дуэль, как моменты примирения, так и сменяющие их моменты отчуждения и разрыв отношений. Установленный факт, что А. Белый имеет свое оригинальное миропонимание, которое складывается в систему не тождественную, но чем-то типологически схожую с мировоззренческой системой А. Блока.

Апокалипсическое сознание А. Белого и А. Блока воспринимает христианскую традицию рецепции образа Софии сквозь призму лично-ностно создаваемого религиозного опыта. Для А. Белого и А. Блока жизнь становится теургическим актом спасения Мировой Души. «Цель поэзии – по-мнению А. Белого – найти лик музы, выразив в этом лике мировое единство вселенской истины. Цель религии – воплотить это единство. Образ музы религией превращается в цельный лик Человечества, лик Жены, облеченный в Солнце» (Белый 1994, 411). В религиозно-поэтическом сознании поэтов-апокалиптиков София есть свободное художество, воплощение идеального замысла

в реальном мире. Синонимами Софии в этом плане являются важнейшие теургические ценности: творчество, любовь, полнота жизни, красота.

Художественно-поэтическую метафизику соловьевства А. Белый и А. Блок пытаются не только усвоить, но и развить, обогатив ее новыми смыслами. Религиозное постижение мира и человека через искусство, понятое как теургически действенное участие в процессе преобразования, находит непосредственное выражение в софийной устремленности их поэтической мысли. Соединение высокого поэтического мастерства, религиозно-философского пафоса и драматизма лирического переживания выделяют цикл «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока, сборник «Золото в лазури» А. Белого, а также поэму «Христос Воскрес» на фоне прежних стихотворных опытов художников.

В «Стихах о Прекрасной Даме» А. Блока воплощена основная идея философии В. Соловьева – идея Мировой Души, Вечной Женственности как духовного начала мира. Основное содержание всех ее циклов («*Ante Lucem*», «Стихи о Прекрасной Даме», «Распутья») – мистико-философское. Поэт создает романтико-символический мир, в котором герой напряженно ищет свой идеал. Для обозначения возлюбленной, «безвестный раб», богомолец, просто возлюбленный Софии, как называет себя лирический герой, употребляет высокую поэтическую лексику. Он называет ее Царевной («Вступление»), «Дочерью блаженной старины» («Ночью сумрачной и дикой»), «Российской Венерой» («Небесное умом не измеримо»), «Ясной» и «Тихой» («В бездействии младом, в передрагасветной лени»), «Закатной, Таинственной Девой» («За городом в полях весною воздух дышит»), «Неотступной Тайной» («Вечереющий день, догорая»), «бессмертной Возлюбленной закатного / рассветного / ночного / снежного пейзажа», таким образом подтверждая неземную, божественную принадлежность Софии.

Образ Софии воплощается через мотивы обновления, пробуждения, зари и весны, «царственного пути» к «несказанному свету»: «И от вершин зубчатых леса / Забрезжит брачная зоря» («Я отрок, зажигаю свечи»), «Сумерки, сумерки вешние... / Отзвуки, песня далёкая...» («Сумерки, сумерки, вешние»). В поэзии А. Блока софийные мотивы легко прослеживаются через особое акустическое звучание поэзии.

Там, где лирический герой ждет встречи с Прекрасной Дамой, все пространство наполнено «звучной тишиной», «тихим шумом», эхом, «неясным звуком невнятного моления», то есть звуками обыденного существования. С появлением Прекрасной Дамы все вокруг наполняется «голосами миров иных», которые ассоциируются со словом Божиим в его пророческом видении и слушании.

В сборнике «Стихи о Прекрасной Даме» одним из самых частотных цветов становится голубой. «Лазурь» и «лазурный» являются синонимичными наименованиями голубого цвета, который приобретает мистическую значимость. Местонахождение Софии – лазурь: «В лазури строгой блещешь Ты», «Вдруг расцвела, в лазури торжествуя, / В иной дали и в неземных горах». Образ Софии ассоциируется в религиозно-поэтическом сознании поэта с «молитвой лазурной», да и сам ее образ представляется лазурным: «И образ Твой лазурный / Затмят...». Все, что окружает Таинственную Деву, наделяется сакральным нежно-голубым цветом. В поэзии Блока эти цветовые лексемы выражают категории идеального мира: «В объятия лазурных сновидений, / Невнятных нам, – Себя Ты отдаешь», «Там бьются лазурные крылья, / Трепещет знакомая песня».

А. Блок акцентирует внимание на пространственно-временной характеристике софийного мотива. Лирический герой встречается со своей возлюбленной утром или вечером, во сне или во время богослужения; в будущем или прошлом. Мотив ожидания встречи и преклонения перед красотой невесты придает стихам эмоциональную силу. Такой же хронотоп прослеживается в «Трех свиданиях» В. Соловьева, который представляет Софию в виде прекрасной неземной женщины, божественного начала, воплотившей в себе все сущее на земле. Она является ему в видениях, преображая его внутренний мир и навсегда оставляя свой божественный след в душе лирического героя. Эти же софийные мотивы преображения / преклонения / озарения лейтмотивом проходят через всю структуру сборника «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока. Поклонение возлюбленной имеет своей внутренней целью обретение жизненной гармонии. Своеобразное преломление этой идеи А. Блока, заимствованной из философии Вл. Соловьева, мы увидим и в поэтическом творчестве А. Белого.

Но если у В. Соловьева и А. Блока Вечная Женственность в своей идеальной ипостаси выступает как реализация внеземной красоты в образе реальной земной женщине, то в сборнике А. Белого «Золото в лазури» мы не находим ни одного стихотворения, в котором бы София предстала в образе возлюбленной лирического героя. Канонизированный В. Соловьевым и по-своему интерпретированный А. Блоком в религиозно-поэтическом сознании А. Белого образ Софии представлен в пространственно-временном и космо-софийном ракурсе. Это образ мистический, божественный или всемирно-природный.

Исследователи образа Софии в литературе Серебряного века усматривают в Премудрости-Софии прежде всего «творческое, зиждательное начало <...> интимнейший глубинный союз-брак Софии-Премудрости Божией и Слова, их сотрудничество вплоть до слиянности, ибо София – вечная невеста Слова Божия» (Топоров 1995, 211). Подобный подход наблюдается у А. Белого. Аура софийности пронизывает поэтическую ткань всего сборника А. Белого «Золото в лазури».

Уже в первом цикле «Бальмонту» формируются важные мотивные ряды, непосредственно связанные с образом Софии, являющейся символом религиозного искусства, преображающего мир словом: «Поэт, – ты не понят людьми. / В глазах не сияет беспечность. / Глаза к небесам подними: / с тобой бирюзовая Вечность» (Белый 2008, 514). В этом стихотворении реализуется понятие «теургии» реализуется посредством обращения лирического героя к поэту, несущему Слово Божие: «О поэт – говори / о неслышном полете столетий. / голубые восторги твои / ловят дети» (Белый 2008, 514). Поэты, носители Слова, находятся в мире под особым покровительством Софии. Поэту отведена роль соединяющего начала между миром эмпирическим (материальным) и миром вечным (духовным), образ Вечности помогает преодолеть разрыв между ними. Ее «мистическое узрение» принимается как знаменье, преображающее мир на путях к его духовному совершенству.

Взаимодействие лирического героя с Вечностью показано как любовный акт. «Поэт» и бирюзовая Вечность едины: «С тобой, над тобою она, / ласкает, целует беззвучно» (Белый 2008, 514). Этот же мотив прослеживается и в стихотворении «Вечный зов». Мировая душа в образе зари утешает свое страдающее дитя: «И звучит из дали: / «Я так

близко от вас, / мои бедные дети земли, / в золотой, янтареющий час <...> / Объявись – зацелуй тебя» (Белый 2008, 522–523). Эта странная мистическая телесность передает не страстный поцелуй любовников или трепетный поцелуй влюбленных, но скорее материнскую страстность по отношению к ребенку, несущую символику связи, единства, взаимодействия мира и души лирического героя. Глагол «целует» становится в таком контексте закономерным. Исследователи называют глагол «зацелуй» «домашним», проводя аналогию с детством поэта, который, будучи ребенком, упорно добивался запрещенного свидания с матерью, надеясь на поцелуй перед сном (Яковлев 2008, 27).

В стихотворении мотивно-образный ряд заря-закат-солнце звучит параллельно с мотивом луны. Семантика женского образа луны соотносится в сборнике «Золото в лазури» с чем-то негативным. В концепции Андрея Белого луна – воплощение принципа отражения. Она не может, в отличие от Солнца, преобразить мир, она «мертвая», поскольку лишь отражает его свет. Вторичный характер лунного мира обусловлен тем, что луна не черпает свой свет (энергию, сущность) в самой себе, не создает его сама по себе; «...луна может предоставить лишь нечто «условное» и «неподлинное» (т.е. несреботождественное), участвуя в чем-то для нее чуждом» (Ханзен-Леве 2003, 199). Происходит замена «серебряного» на «золотое» – луна озаряется, «луна золотая плывет», «И луна, как фонарь, / озаряла нас отсветом красным» («Бальмонту»). В контексте стихотворения красный отсвет в лунном свете есть ничто иное, как явление Софии. Красный и золотой – это все тот же солнечный свет – свет всеобщего преображения, только в отражении луны он преломлен и скрыто отражает всепроникающую Вечность. Если у А. Белого Солнце доминирует во всем мифопоэтическом миропорядке, то у А. Блока образ Прекрасной Дамы связан с символикой света и луны. Это лунный свет сумерек, свет теней, свет звезды, а иногда свет белой ночи: «Душа молчит. В холодном небе / Всё те же звёзды ей горят» («Душа молчит. В холодном небе»), «Ты отходишь в сумрак алый, / В бесконечные круги» («Ты отходишь в сумрак алый»).

А. Блок наделяет свет луны множеством эпитетов: тревожный, холодный, изменчивый, туманный, таинственный, пребывающий. «Непонятная тревога / Под луной царит» («Полный месяц встал над

лугом...»), «Полно стремиться к холодной луне!» («Моей матери»), «Земля пустынна, ночь бледна, / Недвижно лунное сиянье» («Незнакомка»). Луна в лирике Блока выступает как светило, равноправное солнцу и звездам. Лунное начало в цикле стихотворений о Прекрасной Даме занимает промежуточное положение между солнечным золотом и серебром звезд. Такое же промежуточное положение между небом и землей занимает и София. На ночном небе ярким пятном выделяется звезда, выступающая символом Прекрасной Дамы, сливающаяся с ее образом: «На мой вопрос – один ответ: / Ищи свою звезду» («Молчи, как встарь, скрывая свет»), «Душа молчит. В холодном небе / Всё те же звёзды ей горят» («Душа молчит. В холодном небе»). В более поздних стихотворениях А. Блока «при переходе от мифопоэтического символизма к карнавальному» (А. Ханзен-Лёве) происходит урбанизация космоса, небесных светил, и, в частности, луны, которая – аналогично снижению образа царицы небесной до уличной девки – превращается из небесного светила в уличный фонарь (Ханзен-Лёве 2003, 151).

Для понимания значения образа Софии важна символика цвета. О том, что лирический герой обращается именно к Софии и ощущает ее присутствие на земле и на небе, свидетельствуют метафора «омыта лазурью». Известно, что синий и голубой в христианстве воспринимаются как символы трансцендентного мира. Именно голубой является основным цветом Софии на православных иконах (Флоненский 1990, 372). Синее облачение или покрывало констатирует с белой одеждой Софии или преображенного Христа (в фаворском свете или в момент воскресения) (Флоненский 1990, 425) и, как показывает П. Флоренский, соответствует литургическому отождествлению Софии с Богом (Богом-Сыном). Голубое небо – это небо духовное, горний мир, в средоточии которого живет София.

В творчестве А. Блока и А. Белого лазурь является образной реализацией идеи об абсолютной божественной красоте, представлений о Вечной Женственности (Душе мира), приход которой на землю ожидают поэты-апокалиптики. Эта идея, как известно, воспринята через философию В. Соловьева. А. Белый придает голубому и лазури мистический смысл, делая их «священными цветами», знаками присутствия Софии: «О смейся и плачь, в голубом, как бисер. Рассыпаны

тучи» (Белый 2008, 514). Голубой цвет у Блока получает различные оттенки: «синие снега», «Бог лазурный», «лазоревый туман», «лазурное», лазурь, «лазурные сны», «голубой туман». Лазурь и голубой свет связывается со стихией воздуха, небес, а значит, несет в себе символику божественного. В стихотворении А. Белого «Душа мира» возникает образ Софии, появление которой заключает в себе интуицию преображения мироздания. Ее появление сопровождается всеобщим чувством неизреченной духовной радости: «За тобою бежишь / весь / горя / как на пир, / как на пир / спеша» (Белый 2008, 538).

В цикле «Три стихотворения», в стихотворениях «Путь к невозможному» и «Образ Вечности» образ божественной Софии сливается с образом Вечности и предстает идентичным образу Вечной Женственности. Лирический герой испытывает мистический трепет и святой восторг перед встречей с Вечностью: «Смеюсь – и мой смех серебрист, / и плачу сквозь смех поневоле» (Белый 2008, 524), «И мнится – я этой мечтой / всю бездну восторга измерю. / Ты скажешь – восторг твой святой...» (Белый 2008, 525), «Сердце полно не сказанной беспечности» (Белый 2008, 533). Эти чувства не что иное, как реальное состояние влюбленного, который не в силах устоять перед образом возлюбленной. Высокая любовь, как и образ Софии, в религиозно-поэтическом сознании Белого ассоциируется с полетом, самозабвением, отсюда: «Это к Вечности мы полетели желанной», «Мы летим к невозможному рядом» (Белый 2008, 526), «И летит / мир предо мной – / вихрь крутит / серых облаков рой» (Белый 2008, 533). Мотив полета, парения – это эмоциональное состояние, навеянное желанием встречи с возлюбленной Вечностью.

Вечность окружена софийной символикой огня, лучей, зари. Ситуация «встречи» переводится в область мистического одухотворения Софии, а психологическое состояние героя исключает всякую возможность «земного» проявления чувства любви. В качестве атрибута Вечной Женственности в цикле «Три стихотворения» упоминается «веночек из роз»: «Веночек возложил я, любя / – из роз – и он вспыхнул огнями» (Белый 2008, 524). В поэме «Три свидания» В. Соловьева в качестве характерного признака Софии также упоминается роза: проснувшись в пустыне во время третьего свидания, лирический герой осознает, что земля и небо «дышит розами»: «Дышали розами земля и

неба круг» («Три свидания»). Образ розы как средство художественной изобразительности в поэме В. Соловьева и лирике А. Белого подчинены основной идее: показать красоту, целомудрие непорочность образа Софии. Возможно, идея символа розы как непорочности Девы взята В. Соловьевым из средневековой куртуазной культуры, в которой художники рисовали деву, окружённую розами: шипы оберегали целомудрие невесты.

Атрибутами присутствия Софии в стихотворениях также становятся «голубая эмаль» неба, «багряная дымка», «золотой горизонт», «полосы солнечных лучей златотканых». Мотив «зари», заключающий в себе образ как утреннего, так и вечернего небесного зарева, предвосхищает эпифанию Вечной Женственности (Ханзен-Леве 2003, 239). Душа лирического героя наполнена апокалиптической жадой гибели старого мира и преображения новой жизни: «Ах, и зло, и добро / утонуло в прохладе манящей! / Засиял после тьмы / ярче свет первозданный» («Путь к невозможному»); «Не веришь, что ясен так день, что прежнее счастье возможно. / С востока приблизилась тень / тревожно» («Три стихотворения»). Мировая Душа, Вечность, София обещает в «песне облетающего леса» «радость духовную», продолжение «бытия». И, несмотря на вечернее время суток («звон вечерний гудит, уносясь / в вышину» («Три стихотворения»), мир вокруг преобразуется, а вместе с миром преобразуется и герой, который в цикле «Три стихотворения» является поэтом (А. Белый называет его прямо «старым бардом»). Таким образом, воплощается теургическая задача – апокалипсическое чаяние преображения «новой жизни», где нет «хаоса туманного», где нет преград и оков.

Итак, центром софийной темы в цикле стихотворений А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» и в сборнике А. Белого «Золото в лазури» является не реальный женский образ, но образ мистический, божественный или всемирно-природный. Пафос ранней поэзии А. Блока и А. Белого – освобождение от земного плена и пробуждение лирического героя от житейского сна. В поэзии А. Белого и А. Блока происходит сакрализация образа Софии (Прекрасной Дамы, Души Мира, Вечности) через колористику, обращение «Ты», через эпитеты «владычица Вселенной», «Царица чистоты». Она несет в себе «печать» зорь, космоса, хаоса и небесной гармонии. В произведениях раннего

периода А. Белого и А. Блока Прекрасная Дама и Душа мира является духовной вертикалью, соединяющей «небесное» и «земное», воплощением небесной, идеальной, космической красоты. Следует также отметить, что Душа Мира, апокалипсическая «Жена, облеченная в Солнце», Вечная Женственность в религиозно-поэтическом сознании А. Белого приближается к одной из ипостасей Христа, в то время как образ Прекрасной Дамы в раннем творчестве А. Блока первичен, а образ Христа вторичен и подчинен Софии. А. Блока в Вечной Женственности привлекает тема любви, А. Белому в образе Софии более созвучны апокалипсические мотивы: появление Софии есть знак пришествия Христа.

Литература

- Дашевская 2012 – О. Дашевская. Художественное творчество В. Соловьёва как выражение философии всеединства. *Соловьёвские исследования*. Вып. 4 (36), 57–73.
- Белый 2004 – А. Белый. Речь на вечере памяти Блока в Политехническом институте. *Александр Блок: pro et contra*. СПб.: РХГИ, 317–330.
- Белый 1994 – А. Белый. *Символизм как миропонимание*. Москва: Республика, 528 с.
- Топоров 1995 – В. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2-х т. Москва: Гнозис. Т. 1: *Первый век христианства на Руси*. 874 с.
- Белый 2008 – А. Белый. Петербург: Роман. Стихотворения. Москва: Эксмо, 800 с. (*Библиотека Всемирной Литературы*).
- Яковлев 2008 – М. Яковлев. Апокалипсические мотивы в книге стихов А. Белого «Золото в лазури». *Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века*. Москва. Выпуск 4, 23–32.
- Ханзен-Лёве 2003 – А. Ханзен-Лёве. *Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика*. СПб.: Акад. Проект. 814 с.
- Флоренский 1990 – П. Флоренский. *Столп и утверждение истины*. Ч. 1. Москва: «Правда», 496 с.